

Е. Г. ЯКОВЛЕВ

«CALOS-AGATHOS» В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЭСТЕТИКИ

Этика будущего — это эстетика.
М. Горький

По-древнегречески «Calos-agathos» означает «Прекрасно-доброе» и применительно к искусству и жизни человека выступает как определяющая категория, характеризующая их сущность: прекрасное не может не быть добрым, доброе не может не быть прекрасным.

Как видим, на первом месте в этом словосочетании стоит «Calos» — прекрасное, т. е., казалось бы, оно определяет отношения прекрасного и доброго. Но в истории эстетики мы видим разные подходы к этой проблеме.

Обычно эта категория рассматривается в истории эстетики в связи с античной, древнегреческой философией и культурой. Однако это не так. Задолго до возникновения античного общества она функционирует в культурах различных мировых цивилизаций.

* * *

В древнем Китае еще в период скотоводчества возникают понятия-иероглифы «мэй» и «шань», обозначающие прекрасное. Их двойное значение расшифровывается великим Конфуцием (551—479 гг. до н. э.), который считал, что «мэй» — это прекрасная форма, а «шань» — высокоморальное содержание. Причем второе важнее первого, так как искусство, воплощая прекрасное, должно решать три задачи: 1) морально воспитывать; 2) раскрывать истину, давать знания о мире; 3) помогать в управлении государством. В беседах с учениками он говорил: «Прекрасно там, где пребывает милосердие»¹.

Эти идеи Конфуция нашли дальнейшее применение в древнекитайской философии и эстетике. Так, Ван Чун (27—97 гг. до н. э.) считал, что «шань» выше «мэй», поэтому искусство и жизнь не должны стремиться к внешней красоте.

Но с возникновением неоконфуцианства (IX — XIII вв. н. э.) усиливается влияние противоположной позиции, суть которой

¹ Семенко И. Н. Афоризмы Конфуция. М.: Изд. МГУ, 1987. С. 266.

заключается в том, что идеальное начало «дао» абсолютно, и художник должен возвышаться над действительностью. Так, философ этого времени Сыкун Ту (837—908 гг. н. э.) считает, что поэт должен переходить все грани и парить над формами мира, он внедряет себя в абсолютный центр «дао» и творит идеально-прекрасное.

В древней Индии в III тысячелетии до н. э. создается шедевр индийского эпоса «Махабхарата», где мы читаем:

Но знаешь ли ты, в чем добро вековое?
Должны мы любить всех живых, все живое,
Ни в мыслях, ни в действиях зла не питая.
Вот истина вечная, правда святая.
Все люди ко многим занятиям способны,
Но те лишь прекрасны, что сердцем безлобны².
(Выделено мною. — Е. Я.)

Как видим, здесь прекрасное и доброе едины, взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В Древней Японии под влиянием синтоизма, а затем буддизма складывается такое понимание прекрасного, которое рождается естественностью, временем (саби), обладает простотой и воздержанностью (ваби), в нем должны соединиться простота и естественность (сибуй), и, наконец, в нем должны быть намек, недоговоренность (юген), и все это порождает нравственные достоинства прекрасного³. Таким образом, в древних дальневосточных культурах утверждается, что прекрасно-доброе — это свойство не только искусства, но и человека.

Но наиболее основательно эта категория разрабатывается в древнегреческом античном обществе.

Так, уже Сократ (470—399 гг. до н. э.) пользуется в своих рассуждениях категорией нравственно-прекрасного.

«Он утверждал, — пишет о нем Ксенофонт Афинский, — что справедливость... есть **нравственно-прекрасное...** Знающие **нравственно-прекрасное** не предпочтут ему ничего иного... все

² Махабхарата / Пер. С. Липкина. М.: Худ. лит-ра, 1969. С. 78.

³ См.: Овчинников В. Ветка сакуры. М., 1971.

нравственно-прекрасное совершается посредством добродетели...»⁴ (выделено мною. — *Е. Я.*).

Таким образом, для Сократа главным в отношениях добра и красоты, определяющим является первое, так как для него философия — это наука о человеке и его делах, и прекрасный духом и телом человек есть идеал.

Дальнейшее развитие этой категории мы находим у Платона (427—347 гг. до н. э.), для которого «...нет ничего отдельно «прекрасного» и отдельно «доброего». Это — один человеческий идеал, нерасчленимый ни на «внутреннее» или «внешнее», или на «душу» или «тело», ни на «прекрасное» и «доброе»⁵.

Вместе с тем «калокагатия» свойственна, по Платону, и античной интеллигенции V — IV вв. до н. э., особенно софистам, ибо связана с ученостью и образованностью.

В «Тимее» Платон говорит о том, что калокагатия есть соразмерность души, соразмерность тела и соразмерность того и другого. Поэтому если душа или ум волнуются слишком подвижно и страстно, тело может болеть и страдать; и если очень интенсивно живущее тело будет соединяться с вялой душой, страдать будут душа и тело⁶. То есть человек должен быть, пользуясь современной терминологией, гармонически развитым, тогда в нем будут жить в единстве и прекрасное и доброе.

Эту идею Платон реализует и в теории эстетического воспитания, требуя, чтобы юноша или девушка были прекрасны не только телом, но и душой.

Близкие к Платону положения о прекрасно-добром мы находим и у Аристотеля (384—322 гг. до н. э.), для которого «прекрасным может быть... только то, что высоко в моральном отношении. Прекрасно то, что доставляет бескорыстное и созерцательное удовольствие, будучи морально высоким»⁷.

Эти общие положения в «Риторике» и «Этике» он применяет и к человеку, говоря о том, что о «прекрасном и хорошем» человеке судят в связи с добродетелью, как, на пример, «прекрасным и хорошим» называют справедливого, мужественного, целомудренного...»⁸.

⁴ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.; Л.: Академия. Кн. III; IX. С. 5.

⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты и Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. С. 289.

⁶ Платон. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 886 с.

⁷ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и высокая классика. М.: Искусство, 1975. С. 143.

⁸ Там же. С. 167.

Разработка теории калокагатии в античной культуре, эстетике и философии не могла не сказаться на искусстве классической Греции, особенно на скульптуре и музыке, в которых, по мнению Гегеля, воплощено гармоническое единство формы и содержания, созданы образцы неувядающего духовно-физического совершенства человека. Образы Афродиты, Зевса, Аполлона, Гермеса, Посейдона полны фации и величия, спокойного и уравновешенного воплощения сущности Человека.

В музыке же, как утверждает Платон, должен господствовать торжественный и мужественный дорический лад, а не фригийский — страстный и расслабляющий душу и тело и в особенности волю. Поэт же «...не должен творить ничего вопреки обычаям государства, вопреки справедливости, красоте и благу»⁹. Таково категоричное мнение Платона относительно поэзии, под которой подразумеваются в античной эстетике и драматургия и проза.

Таким образом, все виды искусства должны были воплощать и воплощали универсальное кредо греческой культуры — быть прекрасно-добрыми.

Это же было большим стимулом для европейского Возрождения XIII—XV вв. н. э., для расцвета его искусства и возвышения человека.

* * *

В русской эстетике — древней и нового времени — нет категории «прекрасно-доброе», но суть ее воплощена в словах и идеях русских мыслителей.

Так, в XI — XII вв. н. э. в «Сказании о Борисе и Глебе» о совершенном человеке говорится следующее: «Крепок телом, всячески украшен... в ратех хоробр, в советах мудр и разумен привсемь»¹⁰.

Как видим, человек здесь должен быть всячески украшен, телом крепок и, к тому же, мудр и разумен, т. е. в нем должно присутствовать все, что характеризует калокагатию¹¹.

В XVII в. Симеон Полоцкий восклицает: «Кто хранит **красоту любви в душе**, не лишен будет **красоты телесной**»¹² (выделено мною. — *Е. Я.*). Как верно замечает А. П. Ва- лицкая, «рассматривая взаимоотношения «внутреннего» и «внешнего»,

⁹ Платон. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Часть 2. М.: Наука, 1972. С. 280.

¹⁰ Сказание о Борисе и Глебе. СПб., 1860. С. 60.

¹¹ См.: Шохин К. В. Очерк истории развития эстетической мысли в России. Древнерусская эстетика XI — XVII вв. М.: Высшая школа, 1963.

¹² Симеон Полоцкий. Вечера душевная. М., 1683. С. 211.

Полоцкий выстраивает учение о совершенном человеке»¹³, т. е. о человеке, в котором прекрасное и доброе слито в единое, и это близко к тому, что думали об этом и Сократ, и Платон, и Аристотель.

Наконец в XVIII в. А. Н. Радищев возглашает: «О, чувствования **преизящные!** В вас лежит корень всякой **«добродетели»**¹⁴ (выделено мною. — *Е. Я.*). И хотя «...радищевская теория человека не предполагает разграничения качеств его внешней (физической) и внутренней (духовно-нравственной) природы...»¹⁵, все же он отдает предпочтение преизящному, порождающему добродетели. (В нем корень всякой добродетели.)

В дальнейшей истории русской эстетики мы постоянно наблюдаем сохранение этой тенденции. Формула Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир!» еще более явно подчеркивает то, что спасение, т. е. нравственное возрождение человека, раскрытие в нем доброго возможно только через красоту, ибо она универсальна.

В середине XX века М. Горький выдвигает тезис о том, что «этика будущего — это эстетика», подразумевая под этим то, что в будущем и, видимо, в очень далеком будущем отношения между людьми будут настолько совершенны и справедливы, что они станут прекрасны, нравственно прекрасны. Конечно, это иллюзия, но красивая и добрая иллюзия, столь необходимая в наш дисгармонический и несовершенный век.

* * *

В Европе конца XIX — начала XX в. велась полемика между эстетам и моралистами, особенно в Англии. Так, У. Патер настаивал на том, что в искусстве и человеке должны преобладать нравственные начала и им должны подчиняться красота и совершенство, в то время как О. Уайльд, например, считал, что аморализм отнюдь не вреден искусству и человеку, и, более того, он является определяющим в творчестве и в жизни¹⁶.

И все же даже в весьма сложных и, казалось бы, далеких от реальной жизни философских построениях И. Канта мы находим утверждения о том, «...что непосредственный интерес к красоте в природе всегда бывает признаком **доброй души**, если этот интерес становится постоянным, он свидетельствует... о

¹³ Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII. М.: Искусство, 1983. С. 89

¹⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., Л., 1938-1952. С. 57.

¹⁵ Валицкая А. П. Указ. соч. С. 157.

¹⁶ См.: Яковлев Д. Е. Философия эстетизма. М., 1999.

душевном настроении, благоприятном для **морального чувства**»¹⁷ (выделено мною. — *Е. Я.*) И далее: «Прекрасное есть символ нравственно-добраго»¹⁸.

Видимо, этот постулат И. Канта более правомерен и основателен не только для прошлого, но и для настоящего.

* * *

Мы рассмотрели только незначительную часть идей о прекрасно-доброем в мировой эстетике, и все же, на наш взгляд, они свидетельствуют об ее универсальности и всеобщности. Пока живы человек и искусство, они будут стремиться воплощать в жизнь красоту и добро в их единстве и неразрывности, несмотря на банальные рассуждения, например, А. Хичкока о том, что современное искусство должно вызывать шок у зрителя, а не подымать его через красоту и добро к катарсису.

¹⁷ Кант И. Критика способности суждения. СПб., 1898. С. 116.

¹⁸ Там же. С. 235.